

ЛЕЙТЕНАНТ
ХОРНБЛАУЭР
Рука судьбы

КАПИТАН
ХОРНБЛАУЭР
Под стягом победным

АДМИРАЛ
ХОРНБЛАУЭР
Последняя встреча

СЕСИЛ СКОТТ ФОРЕСТЕР

АДМИРАЛ
ХОРНБЛАУЭР

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Санкт-Петербург

Коммодор

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Капитан сэр Горацио Хорнблауэр сидел в ванне и с отвращением глядел на свои ноги. Они были худые, волосатые и напоминали ему о виденных в Центральной Америке пауках. Ни о чем, кроме ног, думать было невозможно: в нелепой ванне они только что не упирались в подбородок; они свешивались с одного края, а голова, руки и торс возвышались над другим. Вода покрывала только живот и ляжки. Трудно придумать более идиотский способ мытья. Хорнблауэр тщетно гнал досаду вместе с воспоминаниями о куда более удобных купаниях под корабельной помпой, о безотказно хлещущей из шланга бодрящей морской воде. Он схватил мыло, тряпку и принялся со злостью тереть возвышающиеся над водой части тела, немилосердно заливая дубовый паркет гардеробной. Лишние хлопоты для горничной — а Хорнблауэр был как раз в настроении доставлять хлопоты.

Он неуклюже встал, разбрызгивая воду, намылил и ополоснул туловище, потом кликнул Брауна. Тот мигом вышел из спальни, хотя хороший слуга угадал бы настроение хозяина и замешкался, давая повод сорвать на себе злость. Он набросил на плечи Хорнблауэру теплое полотенце, ловко придерживая края, чтобы те не намокли; Хорнблауэр вылез из мыльной воды и пошел через комнату, оставляя мокрые следы. Он вытерся и через открытую дверь угрюмо уставился на разложенную в спальне одежду.

— Чудесное утро, сэр, — сказал Браун.

— Заткнись, болван, — ответил Хорнблауэр.

Придется напяливать этот чертов синий костюм, лакированные туфли и золотую цепочку для часов. Костюм был новый, ненадеванный, но Хорнблауэр невзлюбил его еще на примерке, злился, когда жена им восхищалась, и, судя по всему, обречен

был со злобой носить его до скончания дней. Ненависть была двойная: поначалу слепая, нерассуждающая, а затем — осознанная, — ненависть к наряду, который ему не идет, в котором — Хорнблауэр был уверен — он выглядит смешно, когда мог бы выглядеть скромно. Он надел через голову льняную сорочку ценной в две гинеи, затем с огромным трудом натянул синие панталоны. Они обтягивали, как кожа, и только когда они были вполне надеты, а Браун застегнул на спине пояс, Хорнблауэр спохватился, что не надел чулки. Снимать штаны значило признать оплошность; осторожный совет Брауна был с ругательством отвергнут. Браун философски опустил на колени и принялся закатывать тугие штанины, однако без сколько-нибудь значительного результата; о том, чтобы подсунуть под них длинные чулки, не могло быть и речи.

— Обрежь к чертовой матери! — рявкнул Хорнблауэр.

Браун протестующе закатил глаза, но, увидев яростный взгляд хозяина, счел за лучшее не возражать. В дисциплинированном молчании Браун исполнил приказ. Ножницы нашлись на туалетном столике. Вжик-вжик-вжик! Обрезки упали на пол, Хорнблауэр сунул ноги в обкромсанные чулки и, когда Браун опустил штанины, впервые за это утро почувствовал себя вознагражденным. Пусть судьба ополчилась против него, он, черт возьми, покажет, что сам собою распоряжается. Он втиснул ноги в туфли и сдержал недовольное замечание по поводу их тесноты — вспомнил, как смалодушничал в модной обувной лавке и не приказал сделать туфли посвободнее, тем более что рядом, на страже требований моды, стояла жена.

Он проковылял к туалетному столику и повязал галстук, а Браун застегнул воротничок. Хорнблауэр повертел головой: дурацкая крахмальная полоска подпирала уши и тянула шею. Ему было чудовищно неудобно; он не сможет по-человечески вдохнуть, пока на нем эта идиотская удавка, введенная в моду Браммелом¹ и принцем-регентом. Он надел голубой, в розовый цветочек жилет и темно-синий сюртук с голубыми пуговицами; клапаны карманов, отвороты рукавов и лацка-

¹ *Джордж Брайан Браммел* (Бруммель) (1778–1840) — английский денди, друг принца-регента, законодатель мод, прославившийся эксцентричными выходами и мотовством. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ны — того же голубого цвета. Двадцать лет Хорнблауэр проходил в мундире, и то, что отражалось сейчас в зеркале, виделось его предвзятому взгляду неестественным, нелепым, смешным. Мундир — другое дело: никто не осудит офицера, если мундир ему не к лицу. Однако предполагается, что в цивильном платье человек — даже женатый — выказывает собственный вкус, над его выбором можно и посмеяться. Браун прицепил к золотой цепочке часы и затолкнул их в карман. Они некрасиво выпирали, но Хорнблауэр с яростью отбросил мысль выйти без часов ради красоты наряда. Он сунул в рукав льняной носовой платок, который Браун только что надушил. Теперь Хорнблауэр был готов.

— Прекрасный костюм, сэр, — сказал Браун.

— Дерьмо собачье, — ответил Хорнблауэр.

Он прошел через гардеробную и постучал в дальнюю дверь.

— Входи, — сказал голос жены.

Барбара еще сидела в ванне, ее ноги, как и его несколько минут назад, болтались снаружи.

— Ты просто загляденье, дорогой, — сказала Барбара. — Приятное разнообразие — видеть тебя без мундира.

Даже Барбара, лучшая из женщин, не свободна от досадного греха своего пола — одобрять новизну ради новизны; но ей Хорнблауэр ответил иначе, чем Брауну.

— Спасибо, — произнес он с наигранной благодарностью.

— Полотенце, Геба, — сказала Барбара.

Маленькая чернокожая горничная проскользнула вперед и укутала полотенцем вылезавшую из ванны хозяйку.

— Венера встает из вод, — галантно произнес Хорнблауэр. Он силился побороть неловкость, нападавшую на него всякий раз, когда он видел жену голой в присутствии другой женщины; хотя, разумеется, Геба всего-навсего служанка и к тому же цветная.

— Надо полагать, — говорила Барбара, пока Геба осторожно вытирала ее полотенцем, — в деревне уже прослышали о нашей чудной привычке ежедневно принимать ванну. Не берись вообразить, что по этому поводу говорят.

Хорнблауэр вполне мог вообразить; он сам когда-то был деревенским мальчишкой. Барбара сбросила полотенце и стояла нагишом, пока Геба надевала ей через голову шелковую сорочку.

Когда преграды отброшены, женщина теряет всякое чувство приличия, и Барбара в прозрачной сорочке выглядела еще более вызывающе, чем голая. Она села за туалетный столик и стала мазать лицо кремом, пока Геба расчесывала ей волосы; на столике теснилось множество флакончиков и баночек, и Барбара залезала в них по очереди, словно подбирая составляющие для колдовского зелья.

— Как замечательно, — продолжала Барбара, внимательно разглядывая свое отражение, — что погода исправилась. Для сегодняшней церемонии солнечное утро как нельзя кстати.

Мысль о церемонии не отпускала Хорнблауэра с самого пробуждения; не то чтобы она его пугала, скорее ему было слегка не по себе. Встреча с арендаторами ознаменует начало новой жизни, а он не был уверен, что эта жизнь придется ему по вкусу. Барбара изучала свое лицо в зеркале.

— Приветствуем нового сквайра Смолбриджа, — сказала она, с улыбкой оборачиваясь к Хорнблауэру.

Улыбка преобразила не только ее лицо, но и все настроение ее мужа. Барбара перестала быть знатной дамой, графской дочерью и белой косточкой, чья уверенная манера держаться часто вгоняла Хорнблауэра в унижительную робость; теперь это была женщина, которая стояла рядом с ним на изуродованной ядрами палубе «Лидии», которая дрожала от страсти в его объятиях, верная возлюбленная и желанный друг. В эту секунду Хорнблауэр любил ее всеми силами души. Если бы не Геба, он бы обнял ее и поцеловал. Барбара читала его мысли. Она вновь улыбнулась, на сей раз чуть заговорщицки; это была секунда полного взаимопонимания, и у обоих потеплело на сердце.

Барбара натянула белые шелковые чулки и завязала под коленями красные, шелковые же подвязки. Геба стояла наготове с платьем, Барбара нырнула в него. Платье затрепетало, захлопало, и наконец Барбара высунулась из него, растрепанная, тряся руками в рукавах. Никто не может оставаться великосветской дамой в такую минуту, и Хорнблауэр любил ее сейчас как никогда. Геба расправила на хозяйке платье, накинула ей на плечи кружевную пелерину и принялась доканчивать прическу. Когда последняя шпилька была приколотая, последний локон уложен, Геба, скрючившись, с помощью рожка надела хозяйке

туфли. Барбара тщательно укрепила на голове шляпу с лентами и розами.

— Который час? — спросила она.

Хорнблауэр с трудом вытащил из узкого кармана часы:

— Девять.

— Замечательно. — Барбара взяла с туалетного столика длинные белые шелковые перчатки, доставленные из Парижа контрабандой. — Геба, мастер Ричард, должно быть, уже одет. Скажи кормилице, пусть несет его сюда. Думаю, дорогой, сейчас вполне уместна была бы лента со звездой.

— У моих собственных дверей? — возразил Хорнблауэр.

— Боюсь, что да, — ответила Барбара.

Она тряхнула пирамидой роз, и губы ее тронула даже не улыбка, а скорее озорная ухмылка. Нежелание надевать звезду испарилось, как не бывало. Это был молчаливый знак, что жена, в точности как он сам, не придает значения торжественному приему, который устраивает население Смолбриджа своему новому помещику. Так мог бы подмигнуть оракул.

У себя в спальне Хорнблауэр достал из комода красную ленту и звезду ордена Бани, а Браун подал ему перчатки. Их Хорнблауэр натягивал уже на лестнице. Перепуганная горничная торопливо сделала реверанс; в прихожей стоял дворецкий Уиггинз с высокой кастровой шляпой хозяина в руках, а за ним — Джон, лакей, в новой ливрее, которую выбрала Барбара. Сама Барбара вышла вслед за мужем, за ней шла кормилица с Ричардом на руках. Кудри у Ричарда были уложены и густо намажены. Кормилица поставила мальчика на пол, одернула его платице и кружевной воротник. Хорнблауэр торопливо взял Ричарда за руку, Барбара — за другую; Ричард еще не привык стоять, как все, и постоянно норовил опуститься на четвереньки, что никак не вязалось бы с торжественной обстановкой. Уиггинз с Джоном распахнули двери, и все трое — Хорнблауэр, Барбара и Ричард — вышли на крыльцо. В последнюю секунду Хорнблауэр вспомнил, что надо надеть шляпу.

Внизу выстроились, наверное, все обитатели Смолбриджа. По одну руку стоял приходский священник со стайкой детей, прямо перед крыльцом — четверо арендаторов в нескладных суконных костюмах и работники в куртках, по другую — женщины в передниках и чепцах. Позади детей высился трактирщик из

«Коня и кареты»; зажав подбородком скрипку, он провел смычком, священник сделал знак рукой, и детские голоса нестройно затянули:

Глядите, геро-о-ой наш с по-о-обедой грядет!
Гре-е-еми бара-а-абан, весели-и-ися народ!¹

Очевидно, имелся в виду Хорнблауэр, поэтому он снял шляпу и неловко замер; мелодия ничего не говорила его немзыкальному слуху, но кое-какие слова он разобрал. Хор допел, священник выступил вперед.

— Ваша милость, — начал он, — сэр Горацио. От имени селян горячо приветствую вас. Мы счастливы видеть сэра Горацио, увенчанного победными лаврами, добытыми в борьбе против корсиканского тирана. Мы счастливы видеть вашу милость, жену стоящего перед нами героя, сестру великого полководца, что возглавляет наши доблестные войска в Испании, дочь одного из знатнейших английских семейств. Добро пожаловать в Смолбридж!

— Дя! — неожиданно завопил Ричард. — Па!

Священник и бровью не повел; взяв разгон, он продолжал сыпать трескучими фразами, расписывая ликование Смолбриджа при вести о том, что деревня отныне принадлежит выдающемуся флотоводцу. Хорнблауэр слушал вполуха, больше занятый Ричардом: малыш явно норовил высвободить руку, встать на четвереньки и поползти знакомиться с сельской детворой. Хорнблауэр глядел на сочную зелень парка; дальше вставали отлогие холмы, а за деревьями виднелся шпиль деревенской церкви. В той же стороне радовал взоры цветущий фруктовый сад. Парк, сад и церковь — все принадлежало Хорнблауэру; он сквайр, помещик, владелец многих акров, и арендаторы его приветствуют. За ним — его дом и множество слуг, на груди — лента и звезда рыцарского ордена; в сейфах «Куттс и К°» хранятся золотые гинеи, тоже его. Это предел человеческих устремлений. Слава, богатство, обеспеченное будущее, любовь, сын — у него есть все, о чем можно мечтать. Хорнблауэр, стоя на крыльце, слушал разглагольствования пастора и дивился, что

¹ Этот гимнический хор юношей и девушек из оратории Генделя «Иуда Маккавей» был чрезвычайно популярен в Англии.

не чувствует себя счастливым. В груди закипала злость. Его должно распирать от радости, гордости и счастья, а он смотрит в будущее с тупым отчаянием — отчаянием, что будет жить здесь, — и положительным отвращением к предстоящим модным сезонам в Лондоне, которые не скрасит даже постоянное общество Барбары.

Беспорядочное течение его мыслей внезапно прервалось. Прозвучало что-то недолжное, а поскольку говорил только священник, он, видимо, это и произнес, хоть и продолжал вещать, не подозревая о своей оплошности. Хорнблауэр взглянул на Барбару — она на мгновение закусила нижнюю губу, явный признак раздражения для всякого, кто хорошо ее знает. Во всем остальном она оставалась безукоризненно спокойна, как и пристало английской аристократке. Что из сказанного ее расстроило? Хорнблауэр перебирал услышанные, но невоспринятые слова священника. Да, вот оно. Этот болван упомянул о Ричарде как об их общем ребенке. Барбару задевало, когда пасынка принимали за ее сына, и, что странно, тем болезненнее, чем сильнее она к нему привязывалась. Впрочем, трудно винить священника: когда супружеская чета приезжает с полуторогодовалым младенцем, вполне естественно предположить, что ребенок — их общий.

Священник замолк, наступила неловкая пауза. Явно ждали ответной речи, и сказать ее должен был новый хозяин поместья.

— Кхе-хм, — начал Хорнблауэр (короткий брак с Барбарой еще не вполне отучил его от этой привычки). Он судорожно придумывал, что сказать. Конечно, надо было подготовиться заранее; надо было не витать в облаках, а сочинять речь. — Кхе-хм. С гордостьюзираю я на эту английскую местность...

Он сумел сказать все необходимое. Корсиканский тиран. Доблестный английский народ. Король и принц-регент. Леди Барбара. Ричард. Когда он закончил, наступила новая неловкая пауза. Слушатели перешептывались, наконец один из арендаторов выступил вперед:

— Трижды ура ейной милости!

Все грянули «ура», Ричард с испугу заревел.

— Трижды ура сэру Горацио! Гип-гип-ура!

Теперь оставалось только с достоинством удалиться и дать арендаторам время разойтись. Хорошо хоть, все позади. Джон,

лакей, стоял в прихожей, полагая, что изображает стойку смиренного. Хорнблауэр про себя отметил научить его, чтобы прижимал локти к туловищу. Коли уж он держит лакея, то вымуштрует его. Подбежала кормилица и наклонилась пощупать, сильно ли Ричард обмочился. Стремительно вошел дворецкий с письмом на подносе. Хорнблауэр взглянул на печать. Кровь прихлынула к лицу: печать и толстый полотняный пакет могли быть только из Адмиралтейства. Он не получал адмиралтейских писем несколько месяцев, показавшихся ему годами. Хорнблауэр схватил письмо и каким-то чудом вспомнил бросить на Барбару извиняющийся взгляд, прежде чем сломать печать и прочесть:

Адмиралтейский совет

Уайтхолл

10 апреля 1812 г.

Сэр!

Я уполномочен их сиятельствами членами Адмиралтейского совета известить Вашу милость, что их сиятельства желали бы незамедлительно призвать Вас на действительную службу в звании коммодора с капитаном под Вашим началом, каковое звание полагают приличным Вашей выслуге лет и отличиям. Вам предписывается незамедлительно известить их сиятельства через меня, принимаете ли Вы предложение; в случае же Вашего согласия — лично явиться для получения указаний к их сиятельствам, а также к тем министрам, с каковыми Вам будет необходимо иметь беседу.

Ваш покорный слуга,

Э. Непин, секретарь

Адмиралтейского совета

Хорнблауэру пришлось дважды перечитать письмо — с первого раза он ровным счетом ничего не понял. Только после второго прочтения перед ним забрезжил грандиозный смысл послания. Первое, что он понял, — жизни в Смолбридже и на Бонд-стрит пришел конец. Он волен купаться под помпой, а не в дурацкой лоханке, которая едва вмещает ковшик воды, ходить по собственной палубе, дышать морским воздухом, снять эти дурацкие узкие панталоны и никогда больше не надевать, не принимать

депутаций, не беседовать с чертовыми арендаторами, не нюхать свиарников и не трястись на лошади. Мало того, ему предлагают звание коммодора — коммодора 1-го класса с капитаном под началом, то есть почти адмирала. В честь него поднимут брейд-вымпел и будут палить пушки — не то чтобы это имело значение, но все это внешние знаки оказанного ему доверия, заслуженного продвижения по служебной лестнице. Луис из Адмиралтейства высоко оценил его заслуги, коли назначает его коммодором в обход старших капитанов. Конечно, слова «полагают приличным Вашей выслуге лет и отличиям» не более чем вежливая формула, которая позволит Адмиралтейству оставить его на половинном жалованье, буде он откажется, но вот последние слова, касательно беседы с министрами, невероятно значительны. Значит, ему поручают ответственное дело международного значения. Возбуждение накатывало на него волнами.

Хорнблауэр вытащил часы. Четверть одиннадцатого — по штатским меркам еще утро.

— Где Браун? — бросил он Уиггину.

Браун возник как по волшебству, — впрочем, не стоило особо удивляться, весть об адмиралтейском письме наверняка успела облететь дом.

— Мой лучший мундир и шпагу. Вели заложить бричку. Поедешь со мной кучером. Собери мне все для ночлега — и себе тоже.

Слуги опрометью бросились во все стороны, понимая, что исполняют не только приказ хозяина, но государственное дело, которое требует особого рвения. Так что, когда Хорнблауэр вышел из задумчивости, рядом с ним оставалась одна Барбара.

Господи, он в волнении позабыл про нее, и она это поняла. Она сникла, уголок рта опустился. Глаза их встретились, уголок рта пошел вверх, но лишь на секунду.

— Это из Адмиралтейства, — сказал Хорнблауэр смущенно. — Меня назначают коммодором и дают мне капитана.

Какая жалость, что Хорнблауэр видел: радость ее вымучена.

— Это большая честь, — ответила она, — и ты вполне заслужил ее, милый. Ты должен радоваться, и я тоже.

— Мы разлучаемся, — сказал Хорнблауэр.

— Милый, мы пробыли вместе полгода. Ты дал мне шесть месяцев счастья, какого не заслужила ни одна женщина. И ты вернешься.

— Конечно вернусь, — ответил Хорнблауэр.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Погода была обычная апрельская. Во время утренней церемонии перед господским домом солнце светило вовсю, однако уже по пути в Лондон они попали под ливень. Потом вновь выглянуло солнце, согрело и обсушило их, но сейчас, когда бричка ехала через Уимблдонский луг, небо опять почернело и на лица упали первые капли дождя. Хорнблауэр плотнее укутался в плащ и застегнул ворот. Треуголка с золотым позументом лежала у него на коленях, надежно укрытая плащом; в дождь треуголки набирают целые озера воды и теряют форму.

Вот и налетел ветер с дождем, свистящий западный ветер, и хорошей погоды как не бывало. Лево́й лошади пришлось хуже других, и она попыталась сбавить шаг. Браун хватил ее кнутом по блестящему боку, и у нее сразу прибавилось прыти. Браун — отличный кучер; все, за что бы он ни взялся, спорится у него в руках. Он был лучшим на памяти Хорнблауэра старшиной капитанской гички, верным помощником в бегстве из Франции и сумел стать камердинером, о каком можно только мечтать. Теперь он сидел рядом, безучастный к проливному дождю, и сжимал в большой загорелой горсти скользкие вожжи; кулак, запястье и локоть, словно пружина, обеспечивали то легкое давление удил на лошадиный рот, которое, с одной стороны, не мешает лошадям, с другой — придает им уверенности на размокшей дороге и в случае внезапной опасности позволяет сразу остановить их или повернуть. Они тащили коляску через грязь и слякоть по крутому склону Уимблдонского луга с рвением, какого Хорнблауэр никогда не замечал у них по отношению к себе.

— Хочешь снова оказаться в море, Браун? — спросил Хорнблауэр. Судя по тому, что он задал этот ненужный вопрос, он все еще был немного сам не свой от волнения.

— Еще как, сэ́р, — коротко отвечал Браун.

Оставалось гадать: то ли лаконичность Брауна — типично английская манера скрывать искреннее нетерпение, то ли камердинер просто вежливо угождает хозяйскому настроению.

Дождь с намокших волос затекал под воротник. Надо было захватить зюйдвестку. Хорнблауэр сгорбился на обитом кожей сиденье. Руки он держал на рукояти шпаги ценою в сто гиней — подарка Патриотического фонда. Поставив шпагу стоймя и держа на рукояти ладони, он поддерживал намокший плащ, чтобы тот не касался лежащей на коленях треуголки. Новый ручеек воды пробежал по шее. Хорнблауэр поежился. К тому времени как дождь перестал, он окончательно промок, зато солнце вновь радостно сияло. Капли воды на утеснике и ежевике лучились самоцветами; от лошадиных тел шел пар, в небе над головой запели жаворонки, Хорнблауэр распахнул плащ, вытер мокрые волосы и шею носовым платком. На гребне холма перед крутым спуском Браун для отдыха пустил лошадей шагом.

— Лондон, сэр, — сказал он.

И впрямь. Дождь прибил копоть и пыль, так что издалека был виден сверкающий на солнце золотой крест над куполом Святого Павла. Острые шпили, крошечные по сравнению с громадой купола, вырисовывались неестественно четко. Видны были даже крыши домов. Браун щелкнул языком, лошади вновь побежали рысью, коляска, раскачиваясь, покатила под уклон к Уондсворту. Хорнблауэр вытащил часы. Начало третьего, времени еще вдоволь. Хотя рубашка под мундиром вымокла насквозь, день выдался куда приятнее, чем можно было ожидать, сидя в ванне.

Браун остановил лошадей перед Адмиралтейством, уличный мальчишка загородил собой колесо, чтобы Хорнблауэр, вылезая из коляски, не испачкал плащ и мундир.

— Жди меня в «Золотом кресте», Браун, — сказал Хорнблауэр, ища в кармане монетку для оборванца.

— Есть, сэр, — отвечал Браун, поворачивая лошадей.

Хорнблауэр надел треуголку, огладил сюртук и поправил пряжку на перевязи. В Смолбридже он сэр Горацио, домовладелец, помещик, царь и бог, но здесь он всего лишь капитан Хорнблауэр в ожидании приема. Однако адмирал Луис был сама сердечность. Он продержал Хорнблауэра в приемной не больше

трех минут — ровно столько, сколько надо, чтобы выпроводить предыдущего посетителя, — от души пожал будущему коммодору руку, тут же позвонил клерку, чтобы тот унес мокрый плащ, и собственноручно подвинул стул к большому камину, где с его возвращения из Ост-Индии зимой и летом горел огонь.

— Надеюсь, леди Барбара в добром здравии? — спросил он.

— Да, благодарю, сэр, — сказал Хорнблауэр.

— И Хорнблауэр-младший?

— Да, тоже, сэр.

Хорнблауэр быстро поборол робость. Он сел поглубже, радуясь теплу камина. На стене напротив он заметил новый портрет Коллингвуда, сменивший портрет лорда Бархэма¹. Приятно было перевести взгляд с написанной маслом орденской ленты на собственную грудь и подумать, что носишь те же знаки отличия.

— И все же вы бросили прелести домашней жизни в ту же минуту, как получили наше письмо?

— Разумеется, сэр.

Возможно, меньше искренности принесло бы больше пользы; вероятно, стоило притвориться, будто он покоряется долгу, приносит жертву на алтарь отечества. Однако Хорнблауэр не мог бы сейчас слукавить, хоть убей. Он искренно радовался повышению и горячо желал знать, что намерено поручить ему Адмиралтейство. Зоркие глаза Луиса внимательно исследовали его лицо, и он честно встретил их взгляд.

— Куда вы думаете меня послать, сэр? — спросил он, не в силах более дожидаться, когда Луис сделает первый шаг.

— В Балтику, — отвечал адмирал.

Вот оно что. Два слова положили конец многим часам лихорадочных умозаключений. Его могли послать куда угодно: на Яву или на Ямайку, к мысу Доброй Надежды или к мысу Горн, в Индийский океан или в Средиземное море — в любую точку в пределах окружности радиусом в двадцать пять тысяч миль, над которой реет британский флаг. Значит, Балтика. Хорнблауэр пытался припомнить, что о ней знает. Последний раз он был в северных водах младшим лейтенантом.

¹ *Чарльз Миддлтон, 1-й барон Бархэм (1726–1813)* — британский морской офицер и политик, первый лорд Адмиралтейства в 1805–1806 гг. Помимо службы в королевском флоте знаменит борьбой за отмену рабства.